

ИГОРЬ СОКОЛОВ

ЕДИНОКРОВНЫЕ

Игорь Павлович Соколов

Единокровные.

Киносценарии и пьесы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12487429

ISBN 9785447433208

Аннотация

В сборник поэта и писателя-мистика И. Соколова вошли лучшие его киносценарии и пьесы. Два киносценария – две любовные драмы «Покровитель. Останки моря» и «Единокровные». В киносценарии «Единокровные» переплетаются аллегорически две линии судьбы – две притчи – два известных мифа: о царе Эдипе и библейская притча о блудном сыне. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Покровитель... Останки моря	5
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Единокровные Киносценарии и пьесы

Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2023

ISBN 978-5-4474-3320-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Покровитель... Останки моря

(киносценарий-драма)

Сцена 1.

Меланхолическая музыка. Каменистый берег моря. На берегу стоит высокая статная женщина. Ее видно только со спины. Розовое платье из шелка и густая копна рыжеогненьких волос.

Героя не видно (и вся сцена снята его глазами).

Так мы видим, что женщина, стоящая на самой кромке берега, выше его.

Среди волн морских
и в сумерках осенних
я буду ждать тебя.

Это Хакимада, XIV век, – говорит женщина и сразу же оборачивается к камере лицом.

И мы видим, что это моложавая старушка 60—70 лет.

Крупным планом ее игриво улыбающееся лицо.

– Вы только не подумайте, что это для меня флирт, – слышен мужской голос, – просто последнее время я был слишком одинок. Ведь у меня совсем нет друзей... Так, одни партнеры... Вы наверное понимаете, как все безжизненно и пусто в мире бизнеса?!

– А кто вас просил быть капиталистом?! – смеется ста-

рушка. – Или вас жадность замучила?!

– О, только не это, – глубокий вздох.

Крупным планом – молодая мужская рука на сморщенной руке старушки.

– Ваши касания вызывают во мне безумную жажду, – смеется золотыми фиксами старушка.

Крупным планом – лицо старушки постепенно приближается к экрану и наконец полностью закрывает его собой.

Черный экран. Слышен вскрик, и после судорожные всхлипы.

– О, мой мальчик, – лицо старушки постепенно возникает и удаляется от камеры, – простите, я не знала, что вы меня пригласили сюда только из чувства уважения.

Старушка опять смеется.

Постепенно ее силуэт удаляется и вместе с берегом моря становится ниже. Слышны удаляющиеся шаги.

– Вы меня здесь бросаете одну?! – кричит в машинальном испуге старушка.

– Да, теперь уже навсегда, – слышится в отдалении голос героя.

Сцена 2.

Поезд. Камера опять смотрит глазами героя.

Купе. За окном мелькает море и горы. Напротив камеры, (т.е. героя) сидит молодая женщина. Она держит ребенка,

который сосет у нее грудь.

– Вам не стыдно?! – слышен мужской шепот.

– Чего?! Вас?! – улыбается молодая мать.

– Извините, я просто стесняюсь, – говорит мужчина.

В этот момент камера перемещается снизу вверх. Крупным планом глаза удивленной женщины, все купе и закрывающаяся со скрипом дверь.

Голос: Вы все еще кормите, извините!

Опять скрип закрывающейся двери.

Через минуту снова скрип двери.

Голос: Ну ладно, я буду смотреть вниз.

Камера вместе с глазами героя плавно перемещается вниз, с раскрытой груди, к которой жадно присосался младенец, к широко расставленным ногам женщины.

Поэтому камера с глазами героя стыдливо поднимается вверх к груди.

– Какой-то вы странный, – смотрит вверх задумчивая женщина.

– Это не странный, а мир, в котором я живу, – слышен мужской рассерженный голос.

– Вы чем-то обижены?! – спрашивает с любопытством женщина.

– Да, я обижен вами, вы так просто раскрываете мне свою грудь, что я чувствую себя совершенно раздавленным, вы просто не представляете себе, как угнетает меня вид вашей обнаженной плоти. К тому же я очень одинок.

– У вас никого нет? – спрашивает женщина.

– Есть одна любовница, но ей нужны только деньги, есть приятель, но он работает на меня и воспринимает меня, как хозяина, в общем можно сказать, что по настоящему у меня никого нет.

– И кто же вам мешает кого-нибудь завести?! – улыбается женщина.

– Вот вы все мне и мешаете! – неожиданно слышится сердитый голос.

Опять крупным планом удивленное лицо женщины и закрывающаяся дверь купе.

– Псих какой-то, – шепчет она и крестится...

Женщина укутывает уставшего сосать грудь младенца и внимательно смотрит на пустое сиденье...

Сцена 3.

Крупным планом – цветущие сады за окном в поезде. Тамбур. Рука с зажженной сигаретой и сидящая на мусорном ящике кошка. Другая рука ее гладит.

Тихий шепот: Почему я все время только пытаюсь приспособиться к людям?! Неужели я не умею или совсем устал жить?! Или я всего лишь клоака для грязи всей вселенной и в меня можно плевать всем, кому угодно?!

Истерические всхлипы.

Открывающаяся дверь туалета.

Камера глазами героя входит туда. Грязные обрывки бумаги, пустая бутылка из-под водки.

Потом рука обнажает другую руку до плеча, сдвигая рукав рубашки и лезвие, резко прочертившее полосу на вене... Кровь, стекающая тонкой струйкой в унитаз...

– О, Господи, вознеси меня, – слышится глухой, булькающий в хрипах пронзительный голос, – вознеси и очисти душу мою сиротливую!

Стук в дверь. Учащенное дыхание и опять всхлип.

– Отпусти меня бедного от мира и с миром, – слышится сдавленный шепот.

– Открывай сейчас же, скотина! – слышен за дверью грубый крик. – А то я счас в штаны наложу!

Слышится опять меланхоличная музыка.

Цветущие поляны за окном сменяются обгоревшими склонами.

– Скоро я буду с тобой, – слышится плачущий шепот.

– Слушай, ну какая же ты свинья, – надывается за дверью все тот же голос.

На этом фоне меланхолическая музыка Дебюсси набирает невероятный оборот и перерастает в смятение.

Сцена 4.

Опять купе глазами героя.

Крупным планом: внимательный и настороженный взгляд

молодой матери.

– Вам хочется есть?! – обращается она к нему.

– Спасибо, – шепчет он.

Крупным планом рука, перевязанная бинтами, пропитавшимися кровью.

– Вы хотели умереть?! – грустно спрашивает она.

– Нет, я только хотел вылечиться...

– И как, получилось?! – ее грустная улыбка.

– Нет, не хватило сил, – смущенная улыбка героя.

– Возьмите хлеб, – крупным планом рука, протягивающая хлеб с куском мяса.

Рука героя бережно берет кусок хлеба с мясом.

– Спасибо.

– Вы плачете, – удивляется она, – а зря, в жизни всякое бывает. Вот родители мне говорят, не рожай, что ты одна будешь делать, а я все равно родила, – улыбается женщина, – хоть матерью себя чувствую, да и жизнь не зря проживу.

– Вы так думаете? – задумчивый голос героя.

– Я так говорю, – смеется женщина, – а думать мне теперь некогда.

– Может, так и надо жить, – неуверенно шепчет герой.

– Конечно, – радостно прижимает к себе ребенка женщина.

Дверь купе отворяется и в купе входит пожилой проводник с молодым милиционером.

– Вот этот псих и резанул себя, – указательным пальцем

тычет в камеру (т. е. в глаза героя) проводник.

– Ну-ка, встать! – кричит милиционер.

Его лицо искажено какой-то неестественной злобой.

– Возьмите, пожалуйста, – рука героя протягивает милиционеру сто долларов.

– Ах ты, курва, купить меня захотел?!

Крупным планом ускоренная съемка – и кулак закрывает с налета всю камеру.

– Пожалуйста, прекратите, – плачет молодая мать.

Милиционер с удивлением оборачивается на нее.

Женщина кормит ребенка. Опять грудь и пухлые губы младенца – крупным планом.

– Простите, простите, – шепчет милиционер и осторожно взяв из ладони героя сто долларов, выходит с проводником из купе.

Сцена 5.

Крупным планом лицо героя. Из разбитой губы течет кровь.

– Спасибо вам, – шепчет он.

– Да, ну, глупости, – женщина улыбается сквозь слезы.

За окном мелькают грязные, выжженные с чахлыми деревцами бугры.

– Уже видна Россия, – говорит герой.

– Такая грязная убогая, – задумчиво говорит женщина.

– Все это временно, – улыбается герой, вытирая кровь с разбитой губы, – рано или поздно все воспрянет ото сна, как сказал поэт, просто мы попали с вами во времена перемен, исчезновения одних эпох и возникновения других и все мы были просто не готовы к этому.

– А хотите, я вам дам попробовать своего молока, – женщина расстегивает платье, раскрывая правый сосок. Младенец рядом спит и блаженно улыбается во сне.

Молчание. Широко раскрытые глаза героя и женщины. Скрип сиденья от поднимающегося тела героя и приближающийся к камере набухший сосок.

Темнота на экране и только тихие, прерывающиеся молитвенным шепотом голоса.

Женский голос: Будь добрым и умей всех за все прощать,

Мужской голос: Какая ты живая и добрая, почти как моя собственная мать.

Женский голос: А я и есть мать, мать всех живых на земле!

Скрип двери купе. Настороженное и хмурое лицо заглянувшего к ним старого проводника.

Лицо героя и женщины обращено в окно. Он сидит рядом с женщиной, одной рукой обнимая ее, а другой поддерживая спящего ребенка.

– Эй, жмурик, водки не хочешь? – неожиданно смеется проводник.

Герой оборачивается. По его резко выделяющимся на лице скулам видно, как он обозлен и хочет грубо ответить про-

воднику, но отвечает он удивительно спокойно и тихо:

– Спасибо, не хочу!

Проводник подозрительно смотрит то на героя, то на женщину и быстро выходит из купе.

Сцена 6.

Вокзал. На перроне среди убегающих пассажиров герой и женщина с ребенком.

– Алексей, – говорит она, – вот телефон моей тетки. Я буду с нетерпением ждать вашего звонка!

– Хорошо, – отвечает Алексей и целует ее в губы.

Женщина уходит с ребенком и чемоданом, который катит с ней на тележке грузчик.

Алексей остается стоять на перроне, он курит, глядя, как силуэт женщины быстро исчезает в толпе. Потом рассматривает в своей руке клочок бумаги с телефоном и тут же разрывает его на куски.

Маленькая девочка проходит рядом за руку с мамой и глядя на Алексея говорит матери:

– Мам, погляди, там дяденька плачет!

Алексей слышит ее звонкий голос и улыбается ей сквозь слезы.

Сцена 7.

Офис фирмы Алексея. Алексей сидит за столом в кабинете и перебирает на светящемся экране компьютера финансовые операции своей фирмы.

Напротив него сидит пожилой, худощавый мужчина в черных очках.

– Ну, как отдохнули, шеф?! – улыбается мужчина.

– Просто поразительно! – с заметной иронией кисло улыбается Алексей.

– А женщины были?!

– Видимо-невидимо!

– И воспоминания остались?!

– Среди волн морских и в сумерках осенних я буду ждать тебя, – грустно вздыхает Алексей.

– Что, стали уже стишки пописывать, – усмехнулся мужчина.

– Это Хакимада, Сэм, тебе не понять. Ты вот вечный охранник. Ты служишь мне, как верный пес, и поэтому всегда обижаешься, когда я уезжаю куда-нибудь отдохнуть один, но ведь это так просто понять, что у меня всегда есть необходимость побыть одному.

– И даже без Наташи, – вздыхает Сэм.

– И даже без Наташи, – отвечает Алексей, смущенно и виновато улыбаясь.

– Эх, Алекс, Алекс, – хлопает Сэм по плечу Алексея, – а она так тосковала без тебя. Ты ведь знаешь, как она тебя любит и как ты нужен ей! И ладно бы у тебя кто-то был,

какая-то любовница!

– Иногда мне кажется, что я старше тебя на сотни лет, – Алексей грустно смотрит на Сэма.

– Наверно, так оно и есть, – смеется Сэм.

– И еще, Семен, давай оставим эти американизмы, а то эти клички мне действуют на нервы!

– Как угодно, шеф, – развел руками удивленный немного Сэм, – хотя, – (улыбнулся не без злорадства), – если не трудно, зовите меня все-таки Сэмом, ведь собакам клички все же не меняют!

Алексей вытащил из стола глиняную бутылку армянского коньяка и аккуратно разлил по золотым стопкам.

Они выпили с Сэмом по две, закусывая конфетами.

– Кстати, как ваше здоровье?! – подозрительно сощурился на него Сэм.

– Спасибо, все в порядке, – спокойно ответил Алексей, но тут же неожиданно изменился в лице, и резко встал, подойдя вплотную к Сэму, и неожиданно схватил его за галстук:

– Я же просил тебя не спрашивать про мое здоровье, – наклонился он над Сэмом.

– Прости, шеф, забыл, – Сэм резко оторвал руку Алексея от своего галстука, и поднялся, встав к нему лицом к лицу.

– В общем, я прошу тебя не делать этого, – шепнул Алексей, – Христом-Богом прошу...

– Конечно-конечно, – с улыбкой поднял кверху руки

Сэм, – я могу идти?!

– Нет, ты сначала объясни, что вы насчет казино надумали?! И чем будет со мной расплачиваться инвестиционный фонд?!

– Честно говоря, насчет казино мы пока что ничего не придумали, но вот инвестиционный фонд расплатится с нами полностью!

– Это уже не плохо, – подмигнул ему Алексей.

– А ты ведь, Алекс, притворяешься, – неожиданно тихо заметил Сэм.

– Что я притворяюсь?! – поморщился Алексей.

– А то, что в жизни ты не такой, Алекс, совсем не такой!

Молчание. Алекс молча разливает по стопкам армянский коньяк и выпивает свою стопку один, глядя в окно.

Идет дождь. Сумерки за окном сгущаются. Сэм тоже выпивает и смотрит Алексу в затылок.

– Иногда, Алекс, я хочу тебя убить, особенно когда ты меня так без причины унижаешь, но все же самое странное, что я подсознательно чувствую, что ты совсем не такой, понимаешь?!

– Ты просто пьян, Сэм, ты давно уже стал хроническим алкоголиком, и если бы ты так ловко не обдeldывал мои дела, одновременно плавая в своей хмельной луже, то я бы уже давно избавился от тебя! И не будь твоих старых дружков со связями, той самой силы, которая проистекает из глубин нашей грешной Москвы, ты давно бы отвалился от меня ку-

да-нибудь на дно и тебя бы сожрали крысы, самые настоящие – русские, еврейские, армянские, американские крысы...

Постепенно голос Алекса переходит в самый настоящий истерический плач...

Сэм отводит его руки за спину и осторожно кладет на диван.

Крупным планом – дергающееся в конвульсиях тело Алекса. Его расширенные от непонятного ужаса зрачки. В зубах Алекса зажата бамбуковая палочка, заботливо вставленная Сэмом.

Постепенно припадок проходит, но Алекс продолжает плакать, Сэм кладет его голову на колени и гладит с жалостью по разметавшейся в разные стороны волосам одной рукой, другой держит пистолет и целится в портрет президента, висящий над столом.

– Когда-нибудь мы простим его, и нам всем будет хорошо, просто безумно хорошо, – шепчет Сэм, – на островах всегда хорошо, там есть бабы, хорошая выпивка и безмолвные мертвые мишени... По ним стреляют, а они только разевают от счастья свой беззубый рот, – приглушенно хохочет Сэм.

Сэм стреляет в портрет Гитлера и попадает ему в рот...

– Ну, я же говорил, – еще громче смеется он.

В стене раскрывается полукруглое большое зеркало и оттуда выходит обнаженная блондинка.

– Меня вызывали?! – она нахально вытягивает в воздуш-

ном поцелует свои припухшие губы.

– Убирайся, прошмандовка! – ругается за Алекса Сэм и машет перед ее носом пистолетом.

– Да, убираюсь я уже, успокойтесь, – испуганно моргает приклеенными ресницами блондинка, и тут же скрывается за крутящимся в стене зеркалом.

– Сэм, – шепчет Алекс, – найди мне девочку.

– Проститутку, – усмехается Сэм.

– Нет, девочку лет восьми-десяти...

– Старушку, что ли, – смеется Сэм.

– Я серьезно, я хочу кого угодно удочерить, но ты же знаешь, что у Наташи ребенка никогда не будет!

– А как на это посмотрит Наташа? – усмехнулся Сэм.

– Ну, она мне не жена, а любовница, и к тому же моя же прислуга!

– Ну, не знаю! – пожал плечами Сэм. – А тебе и знать ничего не надо! С моей эпилепсией, хрен, мне кто позволит удочерить!

– Даже за бабки! – удивляется Сэм.

– Даже за бабки!

Сцена 8.

Казанский вокзал. Сэм и двое коротко остриженных парней ходят по залу ожидания, выглядывая среди пассажиров детей без родителей.

– Здесь мы врядли что-то найдем, – вздыхает Сэм.

– Уж это точно, – улыбается один из парней, брюнет в черных очках.

– Ладно, пойдем, проедемся еще куда-нибудь, – говорит Сэм.

Они выходят из вокзала и садятся в белый «мерс», и пьют в машине пиво.

– Большинство брошенных детей содержатся в интернатах, – говорити брюнет.

– А оттуда никак нельзя?! – обращается к нему Сэм.

– За бабки все можно! – смеется брюнет в черных очках.

– Нет, я все же немного прокачусь по городу, – вздыхает Сэм и пьет пиво из банки.

К машине подходит инспектор ГИБДД:

– Ну что, гражданин, пьем прямо за рулем? – обращается он к Сэму.

– Почему за рулем?! – удивляется Сэм. – Двигатель же не работает, а водитель еще не подошел!

– Тогда давайте документы, – хмурится инспектор.

Сэм выходит из машины и тут же садится вместе с инспектором в патрульную машину. Сквозь стекло автомашины видно, как Сэм отсчитывает деньги инспектору.

Сердитый Сэм садится в белый «мерс» и едет.

– И на много оштрафовал?! – спрашивает его брюнет.

– Да, ерунда, – хмуро отзывается Сэм.

– Из-за чего же тогда расстроился?!

– Да из-за девчонки, будь она неладна!

– Да уж, нормальные дети на улицах не валяются! – согласился брюнет.

– Да, у Алекса просто крыша поехала! Папашкой решил стать!

– А то ему мало своих проблем! – усмехнулся брюнет.

– Вот-вот, и я о том же! Ну, ладно, поехали! – и Сэм махнул рукой.

Сцена 9.

Вечер. У станции метро к киоску подходит усталый Сэм. Он разглядывает в витрине разноцветные детские очки и шоколадки с сигаретами.

– Мне, пожалуйста, детские розовые очки, шоколадку «Топик» и сигареты «Мальборо» легкие, – говорит Сэм продавцу.

Продавец протягивает Сэму очки, шоколадку и сигареты в окошко.

– Можно, дяденька, я померяю, – обращается к нему рыжеволосая девчонка в грязной розовой куртке, и, не дожидаясь его ответа, нахально одевает на переносицу очки и улыбается ему.

Сначала Сэм снисходительно смотрит на нее, потом постепенно в нем пробуждается интерес к этой, похожей на беспризорницу, девочке и его губы растягиваются

в осмысленной улыбке.

– Хорошие очки, – говорит девочка и с сожалением кладет их на прилавок в окошке и быстро уходит, постоянно с улыбкой оборачиваясь на Сэма.

Сэм идет следом за девочкой. Временами девочка останавливается и нарочито развязно откидывает свою ножку в стоптанном старом башмаке.

– Хочешь шоколадку, девочка, – обращается к ней Сэм и протягивает ей «Топик».

Девочка берет и тут же раскрывает обертку и ест, медленно подходя к скверу, и словно угадывая мысли Сэма, садится на лавочку, хитро поглядывая на него.

– У тебя родители есть? – присаживается рядом на лавочку Сэм.

– Можно сказать, что нет, – опускает вниз голову девочка.

– Что значит – «можно сказать»? – раздраженно спрашивает Сэм.

– Отца моего недавно посадили, а мать умерла, – отвечает девочка, нахмутив лобик.

– Значит, плохая наследственность, – глубоко вздыхает Сэм и закуривает.

– А что такое плохая наследственность?! – спрашивает девочка.

– Это когда общее невезение родителей передается их детям.

– А, ну, тогда понятно, – слабо улыбается ему девочка.

– А как тебя зовут?! – наклонился еще ближе к ней Сэм.

Девочка неожиданно хватается Сэма за шею и впивается в него жадным поцелуем.

– Эй ты, сукин кот, ты чего совращаешь мою дочь?! – слышит над собой хриплый бас Сэм.

Подняв голову, он увидел жалкого пьяного и оборванного мужика (такие постоянно бродят возле питейных заведений и просят на бутылку).

По лукавому взгляду девочки и слегка нагловатому выражению лица бродяги Сэм сразу же понял, что эта сцена была ими с самого начала разыграна как по нотам.

– Папа, он, кажется, хотел меня отыметь, – театрально воздевая руки, заревела девочка, сразу же отодвигаясь от Сэма.

Сэм оглянулся по сторонам и, никого не заметив, спросил у мужика:

– Что вы хотите?!

– Как что, возмещения морального вредительства, – сглотнул слюну мужик.

– И сколько?! – хитро прищурился Сэм.

– Ну, тыщ так тридцать, – внимательно оглядев его с ног до головы, прохрипел мужик, – а то счас милицию позовем!

– В общем, шуму не оберешься, дяденька, – хихикнула девочка и проглотила остатки «Топика».

– Ну, что молчишь-то?! – занервничал мужик.

– Не суетись, папаша, – усмехнулся Сэм, и неожиданно вытащив из-за пазухи пистолет, ткнул им мужика в пах, –

а теперь по-тихому убирайся отсюда, пока я тебе яйца не отстрелил!

– Ты чего это, – растерянно прошептал мужик, пятясь назад, и мусоля в руках грязную кепку.

– Я два раза не повторяю, а ты, цыпа, останешься со мной, – сказал Сэм и прижал к себе девчонку.

– Вот псих-то, – нервно хохотнул мужик, и тут же развернувшись, выбежал из сквера.

– Ай, – вскрикнул Сэм.

Девочка укусила его за палец, но он еще крепче прижал ее к себе. Потом он что-то шепнул ей на ухо, после чего она послушно с ним встала, и вышла из сквера к автостоянке.

Сцена 10.

Алекс лежит в кровати с Наташей и курит.

– И почему ты отключил свой телефон?! – она обиженно вздыхает и смотрит на него.

– У меня его украли, – виновато улыбается Алекс.

– Но ты мог бы купить себе новый телефон!

– Послушай, – уже более небрежно и, отстраняясь от нее, говорит Алекс, – ты не можешь быть со мной понежнее?!

– Могу, – она сразу же успокаивается и с жадностью целует его.

– У тебя, наверно, там были женщины, – спустя минуту говорит она.

– Ну, а если и были, то разве это что-то меняет?! – криво улыбается Алекс.

– Ты относишься ко мне, как к какой-то бесполезной вещице, – плачет Наташа.

– А разве ты не вещь?! Ты вещь, только купленная мною, – Алекс поглаживает ее ладонью по распущенным волосам и по спине, – моя рабыня и моя служанка, – шепчет он, и тут же набрасывается на нее зверем, и они кубарем скатываются с кровати, завернутые в одеяло, и они уже смеются и целуют друг друга.

Потом молча глядят друг друга руками, пока Наташа не встает с пола и не откидывает одеяла. Крупным планом ее юное стройное тело.

– Какая ты красивая, – шепчет Алекс.

– А что это за затея с девчонкой-беспризорницей?!

– Черт! – ругается Алекс, тоже поднимаясь и обнимая за плечи Наташу, – выходит, тебе Сэм проговорился!

– Не проговорился, а просто все рассказал, он и сам очень волнуется за тебя, – улыбается обиженно Наташа, – ну, и что ты такое затеял?!

– Ничего я не затеял, просто хочу иметь свою дочку! – Алекс тоже рассердился и часто задышал.

– Ну-ну, милый, у тебя опять будет припадок, – Наташа нежно обняла Алекса и покрыла поцелуями сначала шею, лоб, потом лицо.

– Я всегда хотел иметь девочку, – прошептал Алекс, при-

жимаясь к Наташе, – но ты же не можешь иметь детей, а искать другую женщину вместо тебя я не в силах.

– Не проще ли тогда взять ребенка из роддома или из Дома ребенка? – взглянула на него с улыбкой Наташа.

– Чтобы несколько лет ковыряться в этих пеленках и распашонках?! – усмехнулся Алекс.

– Ну, ладно, пусть будет все по-твоему, мой хозяин, – глубоко вздохнула Наташа и обвила его шею руками.

– Конечно, будет только по-моему, – самодовольно улыбнулся Алекс и, взяв Наташу на руки, быстро закружился с ней по комнате.

– Сейчас уронишь! – закричала она. – Отпусти!

– Если уроню, то лишь с собой, – засмеялся Алекс и повалился с нею на кровать.

Сцена 11.

Сэм держит в руках девочку, раскрывает белый «Мерседес» и бросает ее в машину, как пушинку, потом садится за руль и резко трогается с места.

– Куда мы едем?! – спрашивает его встревоженная девочка.

– На кудыкину гору воровать помидоры, – оборачивается к ней с улыбкой Сэм и дергает ее за косичку.

– Ой, больно, – сморщилась от боли девочка.

– Это тебе за комедию, – усмехнулся Сэм, – и что это был

за тип?!

– Это был мой папа, – вздыхает девочка.

– Рассказывай сказки кому-нибудь другому, лично я бы таких пап за одно место подвешивал бы к столбу и раскачивал вместо маятника!

– Вы всегда такой злой?! – глядит на него через зеркало девочка.

– Нет, только когда меня больно ужалят или укусят, – хитро сощурился на нее Сэм.

– Это вы обо мне?!

– А о ком же еще?! Нет, ты мне все-таки скажи, где твои родители и есть ли они вообще?!

– А зачем вам это?!

– Мне это абсолютно не нужно, – задумался Сэм, – но есть один человек, малость тронутый, который просто мечтает удочерить такую грязнулю, как ты!

– Как интересно! – засмеялась девочка.

– А ты молодец, – похвалил ее неожиданно Сэм, – сразу видно, что ты по натуре оптимистка! Кстати, оптимистка, как тебя зовут?!

– По разному, кому как нравится, у меня ведь родни-то нет!

– У меня ее тоже не наблюдается, – добродушно усмехнулся Сэм, – так что мы с тобой родственные души, хотя без родителей порою даже легче, не так психика перегружена!

– Уж это верно, – вздохнула девочка.

– Ну-ну, не унывай, Констанция.

– Как, как вы меня называли?! – удивилась девочка.

– Констанция, очень красивое английское, прямо-таки королевское имя, – снисходительно улыбнулся Сэм.

– Значит, Консация?! – переспросила девочка.

– Эх, Господи, даже имени своего запомнить не можешь, – с сожалением взглянул на нее Сэм и остановил «мерс».

– Что, уже приехали? – спросила девочка, выглядывая в раскрытое окошко автомобиля.

– Да нет, надо для спокойствия пересесть в другую машину, – подмигнул ей Сэм, – а то, как бы твой папашка не пожаловался.

– Да нет, что вы, он не мой отец, отец мой сидит в тюрьме, я же вам говорила, а это так, мой дальний родственник, и как бы его самого не сцапали, – беззаботно махнула рукой девочка.

– Да уж, – усмехнулся Сэм и вышел из машины и раскрыл ей дверь, – ну, выходи скорее, Дюймовочка! Теперь сядем в этот вишневый «Опель».

Сцена 12.

– Какая великолепная машина! – на удивление Сэму обрадовалась девочка новому автомобилю и теперь с какой-то неожиданной нежностью трогала корпус автомобиля.

– Куда вы торопитесь?! – спросил Сэма неизвестно откуда

взявшийся милиционер.

– У нас важное дело, – занервничал Сэм, инстинктивно трогая в кармане свой пистолет.

– Отпустите моего папу! – вдруг громко закричала девочка, размахивая перед носом милиционера руками.

– Успокойте свою дочь и предъявите документы, – сказал милиционер, не трогаясь с места, – предъявите ваши документы и пожалуйста побыстрее!

Сэм стал нервно рыться у себя в карманах, поглядывая то на милиционера, то на девочку, прижавшуюся боком к нему.

– Побыстрее! – прикрикнул на него милиционер.

– Что вы так кричите на моего папу, – опять закричала на милиционера девочка, – он добрый, он меня из детдома взял!

Наконец Сэм вытащил свое водительское удостоверение и документы на машину.

– А где ваш паспорт, – строго взглянул на него милиционер.

– Дома забыл, – постарался более убедительно взглянуть ему в глаза Сэм.

– Ну, тогда вам придется проехать со мной в отделение, – пристально поглядел ему в глаза милиционер.

– Извините, но я не здешний, испуганно пробормотал Сэм.

– А номера-то у вас наши, лукаво усмехнулся милиционер.

Наступило неловкое молчание.

– Папа, ты что, забыл, что мы недавно только переехали, – опять неожиданно громко закричала девочка, даже топнув от злости левой ногой, подняв вокруг столб пыли.

– Ах да, ну конечно, – нервно засмеялся Сэм.

– Что ж вы такой забывчивый, папаша, – улыбнулся милиционер и протянул ему документы, – возьмите и будьте аккуратней! А девочку свою приоденьте, а то, что она у вас ходит как Золушка?!

– Да, да, обязательно, – кивнул головой Сэм и стал нервно открывать дверцу машины, потом, когда не смог открыть дверцу, с недоумением взирая на милиционера, отключил на брелке сигнализацию, и дверца открылась.

– Да не нервничайте так, папаша, – милиционер помахал им вслед своей фуражкой. Девочка из своего окна высунула милиционеру язык и помахала кулаком.

– Что за глупый мент?! – весело спросила у Сэма девочка, когда они немного отъехали.

– Ничего удивительного, – вздохнул Сэм, – у нас вся милиция такая, впрочем, другие тоже не лучше! Все лишь зависит от обстоятельств!

– И еще от денег, – заметила девочка.

– Надо же, – рассмеялся Сэм, – какая ты не по годам мудрая!

– О, вы еще не знаете меня, – со смехом ответила девочка.

– И надеюсь, никогда не узнаю, – поспешил ответить Сэм.

Сцена 13.

Ночь. Полная луна. Вишневый «Опель» подъезжает по липовой аллее к высокому двухэтажному особняку.

Сначала раздается залиvistый лай, потом из ворот выходит Алекс с мраморным догом.

– Ну, как дела, Сэм? – спрашивает он Сэма, уже захлопнувшего за собой дверцу машины.

– Все в порядке, – улыбнулся в ответ Сэм, – спит, как убитая, на заднем сиденье!

– И как ее зовут?! – обрадовался Сэм.

– А Бог ее знает! Сказала, мол, зовите, как вам нравится, ну, я ее и назвал Констанцией, только вот имя она никак не запомнит!

– Эх, Сэм, – засмеялся Алекс, – ты бы еще ее Элеонорой окрестил! Ну, ладно, доставай ее, только осторожно, а я сам ее отнесу в дом.

– Что, уже хочешь попользоваться?! – шутливо и в то же время как будто серьезно взглянул на него Сэм.

– Сэм, я не люблю таких грубых шуток!

– Эх, Алекс, зачем она тебе?! Ты же ее совершенно не знаешь. Она ведь уже наполовину сформировавшаяся личность, а потом характер, темперамент, о внешности и наследственности я вообще не говорю! И потом, дети из нормальных семей не гуляют по улицам, их не бросают родители...

– Пожалуйста, Сэм, я не могу тебя больше слушать, – лицо Алекса исказило на миг гримаса, и он сжал пальцы в кулаки.

– Прошу прощения, – ответил Сэм и осторожно вытащил на руках из машины спящую девочку.

– Зайди пока в гостиную, – шепнул ему Алекс, и, перехватив у него из рук девочку, стал подниматься наверх по ступенькам.

Когда Алекс спустился, вишневый «Опель» уже отъехал.

– Черт побери! Неужели он ревнует меня к этой девчонке, – вслух подумал Алекс, и погладил мраморного дога, послушно сидящего возле его ног.

– Что, хочешь приручить этого дикого зверька?! – Наташа едва коснулась своей ладонью его плеча.

– Ты о чем?! – удивился Алекс.

– Об этой рыжей бестии, которую привез только что Сэм!

– Ох, Наташа, давай сейчас не будем ругаться, – Алекс попытался улыбнуться и обнять Наташу, но та вырвалась и убежала от него в дом.

– Боже, и эта тоже ревнует, – Алекс со вздохом присел около дога и тот лизнул его с радостью в нос, – только ты один меня ни к кому не ревнуешь!

Алекс обхватил дога за шею, и сам поцеловал его в нос.

Сцена 14.

Ночь. Грязная, с ободранными обоями и тусклой лампой

кухня.

За столом сидит тот тип, который представлялся отцом девочки и его сожительница. И он, и она – оба нетрезвые. На столе стоит полупустая бутылка с желтым неотфильтрованным самогоном и два недоеденных куска черного хлеба с ломтями сала.

– Нет, брат нам этого не простит, – плачет женщина, – как только выйдет на свободу, как узнает, что мы упустили девчонку, так обоих нас сразу и порешит!

– Может, уедем куда-нибудь, – говорит заплетающимся языком ее сожитель.

– Куда?! – кричит женщина с испитым лицом и тут же бьет кулаком по столу, – он везде нас с тобою найдет! Упустил девчонку, ищи ее теперь, свищи!

– Хорошо, хорошо, – тоскливо кивает головой ее сожитель, – уж как-нибудь найдем, – и снова наливает себе в стакан самогона.

– Нет, вы только посмотрите на этого уроды! Спокоен, как танк! – женщина хватает его за волосы и бьет головой об стол, успевая другой рукой опрокинуть в себя стакан с самогоном. – Ты что, сукин кот, все еще не понял, что наделал?! – кричит она и с негодованием бьет своего сожителя пустой бутылкой по голове.

Сожитель падает с табуретки, из головы его течет кровь.

– Ах, Федечка, ну прости меня, дуру такую, – голосит над ним женщина и разрывает на себе старый ободранный халат,

потом тряпкой обвязывает голову Феде.

– Какое же ты говно, – шепчет Федя и закрывает глаза.

– Убила! Убила! Своего мужа убила! – голосит над ним женщина, обхватив голову руками.

В это время Федя встает с поля и неуверенно направляется к выходу.

– Федечка, не уходи, прости дуру старую! – хватает его за рукав женщина.

– Люська, отойди, – оборачивается он к ней, – отойди, а то убью, на хрен!

Женщина испуганно отпускает его и Федя уходит.

Сцена 15.

Утро. Особняк. В спальне, у постели девочки стоит, слегка опустившись на колени, Алекс. На нем белый костюм и ярко-красная рубашка. Девочка спит, однако постепенно ее веки начинают подрагивать. Алекс смотрит то на часы, то снова впивается безумным взглядом в девочку.

Дверь открывает Наташа. Она одета тоже в шикарное белое платье с красной отделкой. Она хочет что-то сказать, но Алекс повелительно машет рукой и она уходит.

Наконец девочка открывает глаза и внимательно смотрит на Алекса.

Проходит минута, другая, но Алекс молчит, по его лицу видно, как он волнуется.

– Так вы и есть мой новоявленный папаша, – нарушает молчание девочка.

– Что значит – новоявленный? – хмурится Алекс.

– Один умник уже хотел побыть моим папашей, – лукаво улыбается девочка.

– И что же?! – с интересом смотрит на нее Алекс, теребя ворот своего пиджака.

– Да ничего у него из этого не получилось! – задорно засмеялась девочка.

– Вообще-то я на роль отца не претендую, – кашлянул в кулак Алекс, – я могу быть просто твоим другом, другом и покровителем и не более того... Кстати, в любое время ты можешь покинуть этот дом, если тебе здесь чем-то не понравится, а сейчас позволь тебя покинуть, – Алекс как-то неловко поклонился и чуть не упав, быстро выбежав из комнаты.

За дверью послышался громкий смех девочки.

Алекс кивнул головой иронично улыбающейся ему Наташе и быстро сбежал вниз по лестнице.

Сцена 16.

– Ну-с, милая девочка, – заговорила вошедшая в комнату к девочке Наташа, – во-первых скажи, как тебя зовут?!

– Зовите меня просто дурочкой! – засмеялась девочка.

– Ну, что ж, дурочка, – постаралась улыбнуться Наташа, – сейчас ты все снимешь с себя и пройдешь со мной в ванную,

и помоешься, а я тебе помогу!

– Ну, вот еще, охота мне, блин, мыться! Я что тебе, в спецприемнике, что ли, чтобы дезинфекцию разводить?! – хихикнула девочка, глядя на растерявшуюся Наташу.

– Я тебя последний раз спрашиваю, – возмущенно крикнула Наташа, – пойдешь ты мыться или нет?!

– А пошла ты на фиг! – еще громче рассмеялась девочка.

– Рэй! – крикнула Наташа и на ее зов в комнату с лаем вбежал мраморный дог.

– Ну, что?! – усмехнулась Наташа, – тебе все еще охота быть дурочкой?!

– Да ладно уж, – опустила вниз голову девочка, – я просто пошутила!

– Ну и как тебя зовут?!

– Маша! – девочка смущенно улыбнулась. – Маша-растеряша!

– Как?! Как?! – засмеялась Наташа.

– Маша-растеряша, – теперь и девочка, и Наташа засмеялись вместе, а дог выразительно залаял, с полным одобрением поглядывая на них.

– Кажется, ты ему понравилась, – заметила Наташа.

– Собаки очень часто перенимают увлечения своих хозяев, – вздохнула девочка и встала с постели.

Сцена 17.

Гостиная. За столом сидят Наташа, девочка и Алекс. Перед каждым из них стоит тарелка с картофелем и дымящейся уткой и серебряными столовыми приборами.

– А как мне жрать, руками или вилкой, а может, вот этой фигней, – поднимает перед Алексом большую серебряную ложку девочка.

– Как хочешь, – пожимает плечами Алекс.

– А разве культурные люди едят как угодно, – не отстает девочка от Алекса.

– В сущности, истинно культурных людей не существует, – ответил Алекс, – а что касается дичи, то ее можно есть и руками!

– Вы, наверное, такой умненький, – захихикала девочка, поднимая высоко над юбкой обнаженное колено.

Наташа сразу же покраснела и исподлобья взглянула на Алекса.

Тот невозмутимо ел, держа в руках утиную ножку.

– Если вы молчите и не разговариваете со мной, значит, вы думаете, что я дура, – уже как-то обиженно поглядела на него Маша, – разве не так, покровитель?!

Алекс поглядел на девочку, невозмутимо вытер салфеткой губы и молча вышел из-за стола, покидая гостиную.

– И зачем ты так?! – окинула Наташа девочку презрительным взглядом.

– Пусть не воображает, – ответила Маша, – а то я у вас стала похожа на домашнюю кошку, чуть что, и пугаете меня

собакой или строите мне надменные рожи!

– Если тебе здесь не нравится, то можешь уходить, я тебе денег дам на дорогу, – с улыбкой прошептала Наташа.

– Ах, какие вы добрые, – опять засмеялась Маша и бросила в Наташу утиной косточкой со своей тарелки.

– Ну, это уж чересчур! – сдвинула брови Наташа, и решительно подойдя к девочке, стала за руки ее поднимать со стула.

Маша укусила ее и вырвалась, и выбежала в коридор.

Алекс стоял перед ней с невозмутимым видом.

– Ага, значит, сторожите, – усмехнулась девочка и, развернувшись, побежала к себе в комнату.

Наташа вышла из гостиной с растрепанной прической и размазанной по щекам тушью.

– Кажется, еще немного, и я убила бы ее, – сказала она Алексу, шумно дыша и поблескивая злыми глазами.

– Что поделаешь, – вздохнул Алекс, – всех диких кошечек весьма трудно приручить!

– А надо ли приручать-то, – скривила губы в усмешке Наташа, – и зачем она тебе?!

– Ты, что, ревнуешь?! – задумался Алекс.

– Ничуть, – ответила Наташа и спустилась по лестнице в сад.

– И все же ревнуешь, – Алекс еще раз поглядел ей вслед и вошел в комнату. Маша лежала на постели под одеялом.

Ее платье было неаккуратно брошено и смято на кресле.

– Может, вам хочется со мной переспать, а, покровитель?! – жеманно улыбнулась ему девочка. – Ну, правда же, ведь вам сразу же станет легче! Ну, правда, покровитель, ну попробуйте ведь очень юное тело, пока оно вам до чертиков еще не надоело!

Алекс сел в кресло и закурил, глядя на девочку.

– Ты, что, сумасшедшая?!

– Ноу смокинг, покровитель! Детям нужен кислород! – засмеялась девочка и тут же накрыла голову одеялом.

Алекс нервно потушил сигарету и молча вышел из комнаты, на прощанье бросив на нее задумчивый взгляд.

На экране титры: ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

Сцена 18.

Цветущий сад. Наташа поливает розы. Алекс стоит рядом и курит.

– Ну, как, вы еще в здравом рассудке? – улыбается ему Наташа.

Под левым глазом у нее расплывается багровый синяк.

– Даже не знаю, что сказать, – вздыхает Алекс, – раньше она хоть только смеялась, а сейчас и кричит, и бросается на всех с кулаками!

– Ну, нет, на тебя она не бросается! – с сарказмом усмеяется Наташа. – Тебя она уже заочно любит!

– Да, за что?! – удивляется Алекс.

– Ты мужчина, и этим все сказано!

– Да, но она еще совсем ребенок!

– Это не имеет никакого значения! – перебивает его Наташа. – К тому же брошенные дети гораздо раньше взрослеют! И девочки больше любят своих отцов, чем матерей!

– Но дочери не показывают отцам свои голые тела, – возразил Алекс.

– Бездомные кошки все могут, не так ли, покровитель, – нервно засмеялась Наташа.

– Ничего, мы что-нибудь решим, – нахмурился Алекс и с какой-то яростью сорвал куст цветущей розы.

Из его руки засочилась кровь от шипов, вонзившихся в ладонь.

– Ничего ты не решишь, ты будешь играть с ней, как с кошкой, как с дикой и безумной кошкой, но только игра эта будет идти по ее правилам, я в этом уже убедилась! – Наташа бережно вытащила у Алекса из ладони зубами впившиеся шипы и поцеловала его раны, и тихо заплакала.

– Это не так, Наташа, – мягко провел по ее голове рукой Алекс, – рано или поздно ты в этом сама убедишься!

– Да, ты признайся, что, и сам не ожидал, что эта девчонка может оказаться таким ужасным монстром, – нервно засмеялась Наташа.

– В тебе говорит одна только ревность, – грустно вздохнул Алекс.

– Да какая, к черту, ревность, если ты ведешь себя, как

идиот!

– Все сплетничаем?! – раздается за их спиной голос Маши.

Оба, и Алекс, и Наташа вздрогнули от неожиданности.

– Ну что, – продолжала говорить Маша, – я вам, наверное, уже изрядно поднадоела, ведь у вас до меня была спокойная и сытенькая жизнь! Не так ли, покровитель?!

– Замолчи! – крикнул Алекс, – ты не должна с нами так разговаривать! Ты совершенно забываешься и не отвечаешь за свои слова и поступки! За что ты ударила вчера Наташу?! Что она тебе сделала такого плохого?!

– Она мешала мне зайти к вам в спальню, покровитель, – улыбнулась лукаво девочка и сорвала с куста цветок алой розы. Ее ладонь тоже окрасилась кровью.

– Ты, почему срываешь цветы?! – совсем тихо спросила Машу Наташа.

– Ты что, боишься ее?! – с удивлением взглянул на нее Алекс.

– Нет, это ты ее боишься, – нервно засмеялась Наташа.

– Ах, боже ты мой, – схватился за голову Алекс, и тут же взяв за плечи девочку, стал ее трясти, – если ты только сейчас не попросишь у Наташи прощения, то я за себя не отвечаю!

– Не утруждайся, маэстро, я все равно уйду, – остановила его Наташа.

– От меня?! – вскрикнул в испуге Алекс.

– От кого же еще?! – всхлипнула Наташа.

– Этого не может быть, не может быть, – в замешательстве словно безумный, зашептал Алекс. Его взгляд обращенный на Наташу, переместился неожиданно в небо.

Небо в кадре закружилось со стремительной силой. Темные кучевые облака поменялись неожиданно местами, и Алекс упал в траву.

Крупным планом – дергающееся на траве в конвульсиях тело Алекса.

Его расширенные от непонятного ужаса зрачки. В зубы вставлен черенок от лопаты.

– Он больной, больной, – жалобно закричала девочка и убежала в дом.

Сцена 19.

Вечер. Гостиная. За столом сидят Алекс, девочка и Наташа. Все тихо едят. Даже слышно, как на стекле жужжит муха. У девочки опущены вниз глаза, а по щеке ее медленно сползает слеза.

Меланхолическая музыка Дебюсси набирает опять безумные обороты, перерастая в грустное смятение.

Маша робко встает из-за стола, подходит к Алексу и целует его в щеку. Алекс прижимает ее к себе и гладит рукой по волосам.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – шепчет он ей на ухо.

– О, Боже! – громко вздыхает ревнивая Наташа и закры-

вает ладонями глаза.

Алекс виновато улыбаясь, смотрит то на Машу, то на Наташу.

– А я не верю, – говорит Маша и смотрит на него с лукавой улыбкой, проводя языком по верхней губе.

– Ну и зря, – улыбается Алекс.

– Сволочь! – кричит Наташа и, выливая суп из тарелки в лицо Алексу, убегает из гостинной.

– Не обращай на нее внимания, – шепчет Алекс, глядя Машу по волосам как ребенка.

– Да, это уж вы не обращайтесь внимания, а мне то что, – весело смеется Маша.

– Ты, знаешь, я к тебе все больше и больше привязываюсь, – Алекс снимает у себя с головы запутавшуюся в волосах вермишель.

– Да я уж вижу, чай не каменная, – и девочка обнимает Алекса и целует его в щеку.

Алекс зажмуривает от счастья глаза и по щеке пробегает слеза. Он улыбается девочке и прижимает ее к себе.

– Что ты хочешь от меня?! Проси, все, что пожелаешь! – просит он.

– Сукин сын! – громко кричит Наташа из-за двери.

– От сукиной дочери слышу! – кричит в ответ возмущенный и покрасневший Алекс.

– Развратник! – кричит Наташа.

– Дура! – отвечает Алекс.

– Сам дурак! – уже тихо отвечает Наташа. Раздаются ее рыдания и торопливый стук каблуков.

– И охота вам ее держать, – вдруг заговорила Маша, – взяли бы и вышвырнули ее!

Я и сама могу вам готовить, стирать и убирать весь дом!

– Ты, что, с ума сошла?! – вспыхнул Алекс, с удивлением разглядывая ее, – или тоже белены объелась?!

– Да, нет, я просто пошутила, – покраснев, улыбнулась девочка.

– Разве так можно шутить, – удрученно покачал головой Алекс

– Ну, честное слово, больше не буду, – девочка прижалась к Алексу, и его лицо сразу умиротворенно разгладилось, а губы растянулись в улыбке.

– Эх, женщины, женщины, и что вы с нами только делаете?! – прошептал он.

Сцена 20.

Утро. Алекс и Сэм играют в теннис на корте, в саду у Алекса, недалеко от дома.

– Ты знаешь, с тех пор, как Маша узнала про мою болезнь, она стала любить меня, почти как дочь, – говорит Алекс, посылая Сэму мяч ракеткой.

– А я думал, как мать, – усмехнулся Сэм, отбивая подачу.

– Зря смеешься, Сэм, – обиженно смотрит на него Алекс,

не сумев отбить подачу, – иногда во мне просыпаются такие странные чувства, что я даже никак не могу их выразить словами... Вроде бы она мне чужая, взятая из другого какого-то фантастического мира, и в то же время есть в ней что-то такое, что связывает нас, как родных, и даже, кажется, что это и не любовь, и не жалость, это просто какое-то фантастически необъяснимое чувство, чувство родства, ведь я вырос сиротой и у меня не было родителей и я всегда хотел иметь семью, – Алекс делает подачу.

– По-моему, ты просто относишься к ней как к подрастающей гетере, – Сэм отбивает мяч, – которая тебя заменит и мамку, и няньку, и все остальное, – Сэм с сарказмом улыбается, видя, что Алекс опять упустил его подачу.

– И почему я так люблю тебя, и ненавижу, Сэм?! – удивляется сам себе Алекс.

– Потому что я говорю тебе одну только правду...

Постепенно камера перемещается от них на девочку, которая скрывается за кустами и настороженно слушает их, покусывая свои нестриженные ногти.

– Все-таки иногда, Сэм, мне кажется, что ты, как и Наташа, ревнуешь меня к ней.

– Какой ты все-таки самовлюбленный, Алекс, – грустно смотрит на Алекса Сэм, – ты живешь, и ничего не видишь кроме себя любимого!

– Так ты что, тоже ее любишь, что ли?!

– Да, но не так, как ты! Поверь, Алекс, ты привык любить

только те вещи, которыми ты обладаешь, а я наоборот, дорожу только теми вещами, которых у меня нет! К тому же я тоже сирота, и мне гораздо легче ее понять, чем тебе, и вообще, мне кажется, что из-за этой девочки ты испортишь жизнь и ей, и Наташе, и даже может быть и мне, – Сэм бросает ракетку к ногам Алекса.

– И если бы я тебя не знал так долго, и не дружил с тобой, то, может быть, давно бы уже с тобою расстался!

– Очень жаль это слышать, – развел руками Алекс.

– Мне тоже, – вздохнул Сэм, – впрочем, заранее прошу простить меня за эту раздражительность, и позволь тебя покинуть, хотя бы на денек, очень хочу побыть один. Что-то уже старею!

– И ты меня извини, – неловко улыбнулся Алекс и, подбрав с травы ракетку, кивнул на прощание Сэму и пошел к дому.

Сэм идет по аллее к машине. У его белого «мерса» стоит девочка. Она смотрит ему в глаза и улыбается, и тут же стыдливо опускает перед ним голову.

– Хочешь поехать со мной? – неожиданно предлагает ей Сэм.

– Нет, – усмехается девочка и отступает от него на шаг.

– Что, никак не можешь обойтись без своего покровителя?!

– Да пошел ты, говно на палочке, – девочка бросает на него презрительный взгляд.

– Значит, ты все-таки любишь его, – криво улыбается Сэм.

– Не твое собачье дело, – хмурится девочка.

– Значит, уже влюбилась в него, – смеется Сэм, – может, тебе еще замуж выйти за него хочется?!

– Да, он просто любит меня как человек, как приемный отец, – кричит девочка и, подобрав с дороги камень, кидает его в белый «мерс». Правая фара разбивается на осколки, и девочка убегает в заросли сада.

– Ну, сучка, я тебе еще отомщу, – Сэм со злобой разглядывает разбитую фару, потом садится в машину и уезжает.

Сцена 21.

Алекс сидит в кресле на веранде и читает газету. Входит Наташа.

– Нет, я так больше не могу, – говорит она, – я, наверное, скоро с ума сойду!

– В чем дело? – Алекс с тревогой складывает газету.

– Она только что разбила Сэму машину.

– И как сильно?! – Алекс старается выглядеть невозмутимо.

– Не знаю. Я слышала только звон стекла, и ее крики, а еще шум отъезжающей машины.

– Н-да, придется ему возместить ущерб, – тяжело вздыхает Алекс и настороженно вглядывается в окно.

– Но это еще не все, – уже как-то злорадно улыбается На-

таша.

– Что там еще? – морщится Алекс.

– Она разбила градусник с ртутью в моей комнате!

– Ну, может это случайно, – Алекс пытается выглядеть спокойным и невозмутимым.

– А я уверена, что это не случайно! – кричит Наташа.

– Да, ну, что за глупость такая, – раздражается Алекс, – приведи ее ко мне!

– А ты думаешь, она меня послушается? – усмехается Наташа, подперев руки в бока.

– Скажи, что я попросил, – вздохнул Алекс.

Наташа уходит, через минуту в комнату робко входит Маша.

– Это ты разбила градусник в комнате у Наташи? – спрашивает ее хмурый Алекс.

– Да, что я сумасшедшая что ли?! – возмущается Маша, – не верь ей, она просто хочет выжить меня! Ну, честное слово! – она опускается на колени перед Алексом и обхватывает его ноги, – я так люблю тебя, – шепчет она.

– Встань и прекрати надо мной издеваться, – с презрением шепчет Алекс, поднимаясь и отталкивая ее от себя, – я уже устал от этого идиотизма! Кстати, почему ты разбила машину Сэма?

– Он оскорбил нас с тобой, а самое главное, тебя! – Маша с вызовом поглядела ему в глаза, – Я ведь люблю тебя, неужели ты не видишь?!

– Ты еще ребенок, – смущенно шепчет Алекс.

– Ничуть, – она обнимает Алекса и пытается поцеловать его в губы, но он с силой усаживает ее в кресло.

– Успокойся, – задыхаясь от перевозбуждения, шепчет он.

Маша, сидя в кресле, неожиданно начинает стаскивать с себя платье.

– Что ты, что ты, сейчас же оденься, – испуганно шепчет Алекс.

– Я вам не помешала?! – громко и с язвительной улыбкой, спросила Наташа, входя в комнату, – или может мне уйти куда-нибудь?!

– Вот, гадина! – крикнула девочка, опять накинув на себя платье, и кидаясь с кулаками на Наташу.

– Прекрати! – крикнул Алекс, оттаскивая девочку от рыдающей Наташи, которую девочка все же успела ударить кулаком в лицо.

– Или я, или она! – крикнула Наташа в лицо онемевшего Алекса и убежала из комнаты.

– Ну, я же говорила, что она хочет меня выжить, – захныкала девочка.

Алекс с недоумением взглянул на нее, и в то же время прижал ее к себе.

– Не бойся, я тебя никому не отдам, – зашептал он.

– Дай-то Бог, – улыбнулась она и поцеловала его в губы.

– Черт! – отшатнулся с испугом он от нее.

– Да, не бойся, я больше не буду! Честное слово!

Крупным планом ее лукавая улыбка, задумчивый взгляд Алекса и тело рыдающей Наташи под деревом в саду, а рядом с ней сочувственно воющий дог – Рэй.

Сцена 22.

Жаркий летний день. Алекс с девочкой, качаются на качелях, сидя на раскачивающейся доске, привязанной цепями к толстому суку дуба.

– Хочешь, я прочитаю тебе собственные стихи, – шепчет Алекс, с обожанием глядя на смеющуюся девочку.

– Так вы, оказывается, поэт, – улыбается удивленная девочка и кивает в знак согласия головой.

– Ну, вот, послушай, – говорит Алекс и начинает читать стихи, закрыв глаза:

К далеким снам неведомой тоски
летит моя безвременная сущность,
Я утешения ищу вблизи могил,
по горло в лес зарывшись на исходе ночи,
Где вся земля в соитии с растением
грехом безмолвным словно ветер изошла,
Сплетая свои темные просторы
вокруг Души, сидящей у костра,
И ждущей самой просветленной силы,
идущей сквозь померкшие миры,
Как-будто по велению ясновидца,

скрывающим рождение Творца,
Как скорбь обыкновенного мгновенья,
летающего из пропасти в глаза,
И тающего в утренней свободе,
под неподвижным осмысленьем жизни,
Весь в придыхании грядущего огня,
в глухой оледенелой яме
Я плоть свою навек освобождаю
от тонкого покрова вечной Тайны...
В туманных объяснениях с природой,
измыслив в снах чуть видимую нить,
И ощутив ее дорогою заблудших,
я вспомнил вдруг блаженную Тебя,
Дающую мне право на сожженье,
в распахнутой Вселенной спят века,
Печальным небом Вечность выражая,
и я молчу, как-будто нет меня,
Одна лишь Ты в моих глазах живая,
рукою трогаешь поникшие цветы,
И образ моей Смерти обживаешь,
везде царит раздвоенность Души,
В прикосновенье к праху есть еще надежда —
Любой ценой из прошлого уйти...

Во время чтения у Алекса из прикрытых глаз пробегает слезы.

– Вы, это кому-то посвятили? – спросила девочка.

– Да, я посвятил эти стихи своей девушке. Она погибла

в автокатастрофе, – прошептал Алекс.

– Я знаю, как ужасно терять своих близких, – вздохнула девочка.

– Это ужас всей моей жизни, – задумался Алекс.

– Ваши стихи чем-то похожи на поэзию Лермонтова. Моя мама очень любила стихи Лермонтова и часто читала мне их. Вот, послушайте, я запомнила эти, любимые стихи моей мамы.

Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастьем душу достойную;
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Пока девочка читает стихи, у нее из глаз текут слезы, тихо звучит «Сицилиано» Баха, а Алекс осторожно опускается

с качелей на землю возле девочки и смотрит на нее завороченными глазами.

– А что с твоей мамой, где она сейчас? – спросил Алекс, когда она перестала читать стихи.

– Моя мама сейчас на небе, – сквозь слезы улыбнулась девочка.

– То есть ее нет в живых?

– Да, ее убил мой отец и сейчас он в тюрьме, – девочка закрывает лицо руками.

– А за что он ее?!

– Не знаю, – беспомощно разводит руками девочка, – он пил, она гуляла от него! Однажды он приходит домой, а у нее любовник в кровати.

Сцена: В квартиру заходит пьяный мужчина и слышит в спальне стоны, и вбегает в спальню.

Он видит на кровати голых любовника и свою жену. Любовник сидит на ней верхом и оборачивается к нему с испуганными глазами.

– О, Боже, прости меня, – плачет женщина под любовником, который застыл от удивления и страха как статуя.

– Ни за что! – кричит пьяный мужчина и неожиданно выхватывает из-за пазухи нож и наносит множество ударов в грудь любовнику и в грудь своей жены.

В этот момент в комнату вбегает девочка и кричит: Мама!

– Не представляю, как ты все это пережила, – вздыхает Алекс, прижавшись лицом к ее ногам, свисающим с качелей.

– Человек может пережить все, что угодно, – убежденно говорит девочка.

– Наверное, ты права, и все равно о таких вещах тяжело думать.

– Просто мои родители никогда не любили друг друга, – задумалась девочка и провела ладонью по голове Алекса, – никогда!

– Но он же ее убил из ревности, а значит, любил, – попытался возразить ей Алекс.

– Он убил ее из ненависти. Он уже давно ее ненавидел, а поэтому и напивался как скотина, и жил он с ней только из-за меня! – лицо девочки искривилось в яростной ухмылке, – О, если б я только могла, я бы его сама убила собственными руками!

– А может, все же лучше по-христиански простить, а там уж Бог его за все накажет! – с жалостью поглядел на нее Алекс.

– Да какой там Бог, – вскричала девочка, вскочив с качелей, – сказки все это, Бог! Где он был, когда мой отец убивал мою мать прямо у меня на глазах?! И ты хочешь сказать, что ты веришь?! – с недоумением взглянула на него девочка.

– А почему бы и нет, – Алекс уже шел за ней по саду, девочка шла по дорожке, обернувшись к нему, – ведь кто-то все это создал, землю, небо, солнце, нас! А потом Бог дал свободу человеку, чтобы тот мог осуществить свою волю, самого себя!

– Все мы звери, а не люди! – прошептала со злобой девочка и топнув ногой о дорожку.

– Несчастье подломило тебя, – прошептал Алекс, – просто нужно время, чтобы все это понять и успокоиться! Хочешь, выпьем?!

– Давай, – мотнула головой девочка.

Алекс сбегал в дом и вернулся с бутылкой вина и двумя стаканами, и двумя яблоками.

– Давай, присядем здесь, – предложил Алекс. Они молча сели и Алекс разлил вино.

– Я хочу выпить за тебя, – сказал Алекс, подняв стакан, – я хочу, чтобы тебя убили!

Девочка вздрогнула от его слов.

– И не просто убили, а убили из ревности и когда тебе исполнится двести лет!

Девочка молча, без улыбки с ним чокнулась и выпила.

– Как жалко, что все быстро проходит, – прошептала она, привалившись к Алексу, и положив голову ему на колени.

– Ты о чем? – удивился Алекс.

– О жизни, – вздохнула она, – ведь и ты тоже, когда-нибудь уйдешь из моей жизни!

– Надеюсь, что это случится не скоро, – улыбнулся Алекс.

– Ты знаешь, я очень хочу стать твоей женой, и хочу скорее вырасти, чтобы ты меня не стеснялся! Хочешь, я отдамся тебе?!

– Ну, что ты, – смутился Алекс, – ты еще маленькая!

– А я не хочу быть маленькой, я очень и очень хочу стать взрослой! Хочу носить красивые платья, хочу нравиться тебе и вообще я хочу учиться! Я уже два класса школы пропустила! Ты ведь поможешь мне окончить школу и получить образование?!

– Конечно, помогу, – Алекс налил себе вино и выпил, – а кем ты хочешь стать?!

– Я хочу стать переводчиком, как моя бабушка и ездить по заграницам!

– Да по заграницам и так можно ездить, – засмеялся Алекс, – хочешь, оформим документы и через недельку махнем куда-нибудь на Кипр или в Грецию?!

– Не знаю, – мечтательно вздохнула девочка, – я до сих пор не верю, что я с тобой, все это мне кажется сном, каким-то обманчивым и коварным сном!

– Сны бывают разные, – Алекс снова налил себе вина и выпил.

– А почему ты мне не наливаешь, – хмельная девочка потянулась к нему и поцеловала его щеку, поскольку Алекс уклонился от поцелуя в губы.

– Я?! – удивленный и одновременно счастливый и довольный ее вопросом, всем ее существом, спросил Алекс, – потому что тебе еще пока рано, и пока ты не повзрослеешь, я буду тебе и папкой, и мамкой!

– Глупый, – девочка села ему на шею. Алекс поднялся с земли и с веселым криком побежал с ней по саду.

– Ну, ладно, сучка, ты у меня еще узнаешь, где раки зимуют! – показалось из-за яблони разгневанное лицо Наташи. У ее ног стоял дог, который с преданным умилением терся о ее ноги.

Сцена 23.

Вечер. В кабинете у Алекса Алекс с девочкой увлеченно играют в шашки.

– Ты только не поддавайся! – улыбается девочка.

– А разве мы играем не в поддавки? – удивляется Алекс, и они вместе громко смеются.

В кабинет Алекса заглядывает Наташа.

– Можно тебя на минутку?! – обращается она к Алексу.

– Можешь говорить здесь! У меня от Маши секретов нет! – Алекс внимательно изучает лицо Наташи, словно видит в нем какие-то явные изъяны.

– Может, ты ее еще к нам в постель положишь?! – злится Наташа и с ненавистью смотрит на девочку.

– Ну, думаю, до этого не дойдет, – задорно отзывается Алекс, и все же встает и выходит за Наташей из кабинета.

– Ты немного подожди, – говорит он девочке, – я скоро!

Наташа выходит из дома на веранду, Алекс идет за ней. Потом она останавливается и со страстью кидается на него, обнимает, целует, горячо приговаривая: Мой! Мой!

– Да, что с тобой, – отталкивает ее от себя Алекс, – с тобой

все в порядке!

– Со мной-то все, а ты вот из-за этой лахудры совсем уже чокнулся! Только с ней и возишься все дни и ночи напролет! Совсем уже про меня забыл! Словно меня и не существует! – обиженно вздохнула Наташа, – ну, почему ты ко мне стал таким равнодушным?! Ну, что я тебе такого сделала?!

– Да, ничего, – пожал плечами Алекс.

– Ну, почему тогда ты уже вторую неделю, как она здесь появилась, не дотрагиваешься до меня?! Разлюбил, да?! – Наташа с упорством добивается ответа от Алекса.

– Я не готов к этому разговору, давай, как-нибудь потом поговорим, а сейчас, извини, мне некогда, – Алекс пытается уйти, но Наташа хватает его за руку.

– Ну, что я тебе такого сделала?! – плачет она.

– Успокойся, – Алекс прижимает ее к себе, и она вздрагивает всем телом, а Алекс невольно морщится, – ну, ладно, мне пора!

– Но ты не можешь меня просто так бросить! – плачет Наташа.

– А кто тебе сказал, что я тебя бросаю?!

– Да, что я, не вижу что ли, что ты прилип к ней как банный лист, – прикусила зубами губы Наташа.

– Неужели банный, – смеется Алекс.

– Да ты меня совсем не любишь! – вскрикивает в отчаянье Наташа.

– Может ты, поэтому и градусник у себя в комнате разби-

ла, чтобы выжить ее отсюда?! – уже серьезно спрашивает ее Алекс.

– Это она тебе сказала?! – Наташа в отчаянье разрыдалась и убежала в темноту сада.

– Вот черт! – ругается Алекс и уходит в кабинет.

– Ты на самом деле не разбивала градусника в комнате у Наташи?! – спрашивает он.

– А зачем мне это нужно?! – спрашивает его в ответ девочка, – я же ее до того, как попасть к тебе вообще не знала! И потом я ведь чувствую, что ты любишь меня, а не ее!

– Ну, прямо так уж и люблю?! – улыбается Алекс и прижимает к себе девочку, – да, я тебя никому не отдам.

– Я верю, верю, – шепчет девочка, прижимаясь к нему, и замуривая от счастья глаза.

– Ты такая добрая и такая нежная, – шепчет он.

– И ты тоже, – она смеется.

– Ты чего?! – удивляется он.

– Кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку, – надрываясь от смеха, говорит она. И он тоже начинает смеяться.

– Тварь, – шепчет в темноте сада плачущая Наташа, – да, еще какая тварь!

Крупным планом ее гневное лицо, едва освещенное луною. Рядом с ней сидит дог, уткнувшийся мордой в ее колени.

Сцена 24.

Театр. Затемненный зал. На сцене театра идет постановка оперы «Травиаты» Верди.

Алекс сидит на балконе и задумчиво глядит на поющих артистов. С двух сторон возле него сидят Наташа и девочка. Они обе не столько слушают музыку и пение, сколько с двух сторон прижимаются к нему и проводят руками по его коленям, пока их руки не сталкиваются.

Наташа с ужасом ощупывает руку девочки и с омерзением отталкивает ее с коленей Алекса. Потом она резко встает и с рыданиями убегает с балкона.

Девочка очень сконфужена, но Алекс заметивший этот любовный поединок между ней и Наташей, принимает сторону девочки.

– Не обращай на нее внимания, – говорит он и еще сильнее прижимает к себе девочку, – лучше послушай, какая прекрасная опера! А эта дура еще пожалеет об этом!

– Значит, я дура! – еще больше заливается слезами, подслушивающая их за дверью Наташа, – ну, ладно, мы еще увидим, кто из нас дура!

Неожиданно она закрывает глаза, прижимаясь щекой к стене, и мы видим ее видение: Наташа идет по какому-то странному темному дому с пустыми комнатами и со множеством дверей на каждом этаже дома. Она с нетерпением открывает каждую дверь, но за каждой дверью пустая комната

с темным окном, за которым чернеется ночь. Она уже еле-еле идет и задыхается. По ее лицу медленно сползает пот, который перемешивается с ее слезами. Наконец одна открывает еще одну дверь, и видит за ней голого ухмыляющегося черта, очень хорошо напоминающего своим обликом Сэма.

– За тебя готов пойти в огонь и в воду! – говорит он.

– А ты не врешь, – улыбается коварной улыбкой Наташа.

– Чтобы завтра мне не опохмелиться! – отвечает черт и быстро срывает платье с Наташи, и овладевает ею стоя, прижимая ее к стене.

– У, мохнатая зверюка! – стонет она, – у меня ведь Алекс есть!

– Черта с два! – смеется черт, – теперь эта маленькая стерва завладела им до самого конца! А тебе уж надо подумать о себе и о каком-нибудь другом месте!

– Ну, сделай, хоть, что-нибудь! – кричит в страхе Наташа.

– Сейчас сделаю! – смеется он и кончает в нее.

– Сволочь! – орет она, – ну, ладно, за это ты мне будешь должен!

– Конечно! – черт опять овладевает ей и опять кончает в нее. Он машет хвостом будто кот, плавно перемещая его из стороны в сторону.

– Гад, – шепчет она, – ты просто пользуешься моим беспомощным состоянием и теперь тебе гореть в аду!

– Вместе с тобою, – шепчет черт, похожий на Сэма, и неожиданно обвивает ее хвостом и проносится с нею

сквозь землю, в какую-то черную бездонную дыру.

– Я не хочу туда! – кричит Наташа и тут же приходит в себя. Звучащая за дверью на балкон, музыка подсказывает ей, что опера еще не закончилась.

Она приоткрывает дверь и с дикой ревностью разглядывает девочку, спящую на плече у Алекса, который приобнял девочку за плечо. Она кусает губы и возвращается на свое место. Алекс сидит молча, не шелохнувшись, и не обращая на Наташу внимания.

Она пытается взять его за локоть, но он отталкивает ее руку, даже не поворачивая к ней головы.

– Тебе не стыдно?! – шепчет Наташа.

– Ты о чем? – улыбается Алекс. Травиата в это время рыдает на сцене.

Наташа тоже молча плачет. Алекс становится серьезным, хотя и не поворачивает к ней головы.

– Я тебе уже не нужна?! – шепчет Наташа.

– Ну, почему же! – шепчет Алекс, осторожно разглядывая лицо девочки, спящей у него на плече.

– Тебе нужна она, а не я, – с надрывом шепчет, будто шипит Наташа.

– Осторожно, ты ее разбудишь, – морщится Алекс.

И Наташа с плачем покидает балкон уже во второй раз.

– Сумасшедшая! – шепчет вслед ей Алекс, и с нежной улыбкой утыкается в волосы спящей девочки.

Сцена 25.

Поздний вечер. Алекс везет девочку на машине домой после оперы.

– А где Наташа?! – спрашивает девочка.

– Ума не приложу, где, да и прикладывать, если честно, не очень-то и хочется!

– Честно говоря, я боюсь ее, – признается девочка

– А она тебя боится, – смеется Алекс.

– Но так не должно быть, – хмурится девочка, – разве хорошо, когда два человека так сильно ненавидят друг друга?

– Конечно, это не хорошо, – вздыхает Алекс, – но и бояться этого так сильно, – совершенно напрасно!

– Лучше бы она куда-нибудь уехала, и больше никогда оттуда не возвращалась! – грустно всплакнула девочка.

– Да, ты еще совсем ребенок, вот и выдумываешь себе, Бог знает, что! – возмущается Алекс.

А я тебе говорю, что я чувствую беду, и ее с собой принесет именно она, твоя бывшая любовница! Неужели нельзя с ней как-нибудь расстаться?!

– Отправить в длительный отпуск на Канары?! – шутя спросил ее Алекс.

– Не знаю! Я ведь, конечно, еще очень маленькая для тебя! – обиделась девочка.

– Ну, ладно, не обижайся! – приобнял ее за плечо Алекс, – всегда можно что-то придумать!

– Например, чью-то смерть, – таинственно прошептала девочка.

– У тебя тоже, что ли крыша едет, – устало вздохнул Алекс, – да уж, ревность коварная штука! Однако я надеюсь, что вы не станете с ней убивать себя из-за ревности!

– Я-то может, и нет, а вот она, не знаю – не знаю!

– Ладно, перестань болтать чушь, – рассердился Алекс, – я Наташу знаю очень давно!

– Ну и что, что ты ее знаешь давно?!

– А то, что она не совсем испорченный человек!

– Ну, ладно утешил, – повеселела девочка и поцеловала Алекса в щеку.

Сцена 26.

Ночь. Алекс лежит на кровати в своей комнате и никак не может уснуть, и ворочается с боку на бок. Наконец он встает и выходит из комнаты. В коридоре у двери в комнату девочки он видит Наташу, одетую в длинную белую ночную сорочку, которая держит в руке что-то длинное, черное, похожее на палку или нож. Залитая вся лунным светом, и молча стоящая у окна, с длинными распущенными волосами, Наташа похожа на приведение.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает ее шепотом Алекс.

– Ничего, – дрожащим шепотом отвечает Наташа.

– А что у тебя в руке? – спрашивает Алекс.

– Неважно! – уже злым криком отвечает Наташа.

Тогда Алекс вырывает у нее из руки нож, который он уже разглядел, поднеся к окну.

– Ты, что, с ума сошла?!

– Да, я просто шла на кухню, и мне показалось, что там кто-то есть, – прошептала она.

– Ну, конечно, там Маша, и сейчас она спит, – неудовлетворенный ее ответом, раздражается Алекс.

– А мне показалось, что там кто-то ходил, и ходил в тяжелой обуви, громыхал подошвами, – усмехнулась Наташа.

– Ты шутишь?!

– Нисколько!

Алекс входит в комнату девочки и включает свет.

– Ну, что вам нужно, я сплю, – недовольно говорит еще не совсем проснувшаяся девочка, глядя на Алекса с Наташей.

– Извини, – Алекс прячет нож в карман халата и, силой схватив запястье правой руки Наташи, уводит ее за собой из комнаты, выключая свет.

Он выводит Наташу из дома в сад, и в саду отвешивает ей несколько пощечин, одновременно сотрясая ее, держась рукой за длинный ворот ночной сорочки

– Не смей приближаться к ней, – кричит он.

– Да, не виновата я ни в чем, идиот, – кричит в ответ Наташа.

Наконец Алекс отпускает ее и уходит в дом.

К плачущей Наташе приближается дог, который ложится возле нее и лижет ее ноги.

Сцена 27.

Ночь. Алекс лежит на кровати. Ему снится сон. Он идет под куполом цирка по протянутому канату. На его плечах стоит веселая улыбающаяся девочка. Внизу оркестр играет туш, и весь зал им рукоплещет. Алекс смело идет по канату, девочка, стоящая на его плечах, машет руками как птичка и смеется. В этот миг канат неожиданно начинает качаться. Алекс начинает терять равновесие, и девочка с диким криком начинает тоже терять равновесие.

Весь зал в страхе ахает. Алекс видит на другом конце приподнятой люльки Наташу, которая со злорадной улыбкой раскачивает канат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.